

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ИРАНА

Одна из первых задач в работе советских историков, археологов, искусствоведов, этнографов — это изучение культурного прошлого нашей страны. Крупные археологические исследования в различных районах обнаружили памятники многовековой и многотысячелетней давности. Естественно, возникают вопросы об отношении их к культурам сопредельных стран. Ближе и теснее многих связан с СССР Иран, а потому проследить точки соприкосновения с ним представляет глубокий интерес.

Археологические исследования в Иране начались в 1840 г., когда Williams заложил первые траншеи в руинах Суз. Этому чрезвычайно важному пункту юго-западного Ирана посвящено 30 лет исследовательской работы. За истекшие десятилетия открыты остатки поселений на глубину до 25 м, с 4000 г. до н. э. до начала XIII в. н. э. Значение этих открытий неоспоримо, хотя методологически раскопки не всегда были на уровне современных требований науки. Для обширной территории Ирана Сузы долго еще оставались археологическим оазисом в пустыне неведомых, неисследованных пространств. Археологическая работа в Иране стала подвигаться заметно лишь в XX в., когда облегчился доступ в мало или совсем не исследованные районы. С 1913 г., начиная с Тепе Муссиан в южном Луристане, были произведены раскопки в 12 пунктах на местах первобытных поселений на севере, западе и юго-западе Ирана. Хотя эта цифра ничтожна по сравнению с зарегистрированными сотнями и тысячами холмов, собранный материал настоятельно нуждается в систематизации. Кроме того, производились раскопки важных памятников ахеменидского, аршакидского и сасанидского периодов, особенно в Фарсе, Сеистане и Месопотамии (Персеполь, Пасаргады, Кух-и Хваджа, Дура, Шапур, Ктесифон). Усилилась регистрация памятников и городищ. Чрезвычайно много сделали в этом направлении Е. Herzfeld и Aurel Stein. В настоящее время историко-археологическая работа и охрана памятников в Иране поставлена солидно. Издаются специальные исследования. Например хранитель Национального музея в Тегеране напечатал в ряде номеров *Journal de Teheran* статью о доисторической живописи,¹ в прессе появляются статьи по вопросам истории, например о маздеизме при сасанидах.²

Литература предмета растет довольно быстро. Можно назвать несколько десятков серийных изданий, где впервые были опубликованы

¹ *Journal de Teheran*, Lundi, 2 Novembre, 1943 и др.

² То же, Dimanche, 5 Décembre, 1943.

и проанализированы материалы из Ирана только первобытного периода, не считая монографий и рассеянных статей. Археологические открытия в сопредельных с Ираном очагах древних культур еще более раздвигают круг исследования. Несмотря на множество неясностей, нужно сейчас упорядочить накопленный материал и сделать доступнее обширную литературу.

Первыми взялись за осуществление этой задачи Е. Herzfeld и А. У. Поупе. В 1935 г. Herzfeld издал в Лондоне три свои известные лекции в книге „Archaeological History of Iran“. В то же время пламенным энтузиастом искусства Ирана, А. У. Поупе, готовилось монументальное издание „A Survey of Persian Art“. С самого начала оно было широко задумано в виде грандиозного сборника статей с великолепным оформлением. Редактор не предвидел, конечно, что 30-е годы XX в. принесут столько новых открытий: оставить их в стороне значило бы антиквировать издание, и потому оно неустанно расширялось в процессе подготовки и печатания. При всей ценности, „Обзор персидского искусства“ отличается некоторой пестротой содержания, непропорциональностью статей, страдает из-за отсутствия единства подхода.

Среди небольших статей, посвященных памятникам первобытного периода в томе I, вышедшем в 1939 г., находится очерк двух авторов — Е. Herzfeld и Arthur Keith под заглавием „Iran as a prehistoric centre“ (стр. 42—58). Авторы стремятся осветить две капитальные проблемы: 1) что представляют собой различные следы культуры на Иранском плато и каково их отношение к проявлениям культуры смежных пространств; 2) откуда пришли народы, говорящие по-арийски. Носителями этой первоначальной культуры признаются автохтонные обитатели плато, каспии; с каспиями связывается поселение конца каменного века, открытое Herzfeld у Персеполя в 1923 г. и раскопанное им в 1928 и 1931 гг., во второй кампании при участии А. Langsdorff.¹ Авторы прослеживают эволюцию от первобытного существования населения к культуре, когда последовательно возникло земледелие, были открыты и введены в употребление металлы и организовалась городская жизнь. В очерке Herzfeld—Keith затронуты важнейшие вопросы истории, культуры и этнографии Ирана, привлечена ведущая литература, не исключая русских работ. Однако пятитомное издание „Survey of Persian Art“ мало доступно. Ко времени выхода издания А. У. Поупе появились публикации материалов из новых раскопок, например: R. Ghirshman, Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937;² анализ расовых типов из Тепе Хисар, Иран, с конца V до начала II тысячелетия до н. э.,³ и др. В 1941 г. увидел свет новый обширный труд: Е. Herzfeld. „Iran in the Ancient East, Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston“.⁴ Он содержит 340 страниц с 421 фигурами в тексте. Далее идут примечания (стр. 341—353), указатели географических названий, имен народов и предметный (стр. 355—363). В конце книги помещены таблицы (I—CXIII) с большим числом нумерованных изображений. Эта первая крупная работа по истории иранской культуры с древнейших времен заслуживает полного внимания.

¹ Первый отчет Е. Herzfeld опубликовал в „Iranische Denkmäler“, 1932, Reihe I. A.

² Musée du Louvre, Département des antiquités, Série archéologique, v. IV—V, Paris, éd. P. Guethner, 1938—1939.

³ Wilton M. Krogman. Racial Types from Tepe Hissar. Iran, from the late Fifth to the early Second Millenium B. C. Verhandelingen der Koninkl. Nederlandsche Akademie van Wetenschappen. Afdeling Natuurkunde, 2-de Sectie, v. XXXIX, No 2, Amsterdam, 1940.

⁴ Oxford University Press. London—New York, 1941.

Исследование состоит из предисловия (стр. I—VII) и четырех глав: I. Доисторический период (стр. 3—176); II. Заря истории (стр. 177—220); III. Ахеменидский период (стр. 221—274); IV. Аршакидский и сасанидский периоды (стр. 275—340). Объем глав (173+43+53+65 стр.) ясно показывает, что центр тяжести—это глава I, которой посвящено 173 стр., т. е. более половины книги. В предисловии автор говорит, что содержание восьми лекций 1936 г., легших в основу этого труда, несколько изменено и расширено в первом разделе.

Глава „Доисторический период“ как бы раскрывает скобки над дискуссионными вопросами, сжато изложенными в очерке „Iran as a prehistoric centre“. В анализе археологического материала первое место занимает керамика. Автор отмечает нечеткость в пользовании терминами для периодизации первобытных стадий существования человечества („халколит“, „медный“ и „бронзовый“ век). Изобретение бронзового сплава около 3000 г. до н. э. совпадает с началом истории на Ближнем Востоке. Этим временем датируются первые читаемые документы; поэтому первый исторический период Сумера, „ранне-династический“, есть „ранний бронзовый век“, хотя его часто называют „медным“, так как медь преобладала над сплавами (стр. 3—4). Этим положением открывается попытка уточнить хронологию культурных явлений на Востоке, различные фазы которых названы по месту их открытия.

В Двуречье устанавливается последовательность периодов Убайд—Урук—Джамдат Наср, характеризующих расписной керамикой. Место первого периода определяется в конце неолита или после него, а последний соответствует концу медного века, после которого в Сумере начался исторический период. Между вторым и третьим периодом вклиниваются слои простой нерасписной керамики. Этой картине открылась полная аналогия в Сузе, вплоть до временного появления и исчезновения нерасписанной керамики; она свидетельствует о единстве базы доисторической цивилизации Сумера и Элама, независимо от этногенеза населения (стр. 5—6), что не исключает местных отличий. Отличия в Сузе автор считает отголоском цивилизаций, существовавших восточнее Элама на Иранском плато. Еще сильнее приковывает к себе внимание это плато при учете остатков древнейших цивилизаций века меди и бронзы в западной и северо-западной Индии и неолитической цивилизации в Китае—Хонан (стр. 7).

Иранское плато рассматривается не только как связующее звено между Востоком и Западом, но и как возможный источник древнейшей цивилизации Элама. Подтверждение этой гипотезы дали упомянутые раскопки части холма с поселением конца неолита у Персеполя. Здесь скопление мелких комнат, наподобие улья, дворы и инвентарь дают представление о существовании матриархата и группового брака в мирной первобытной общине; сохранились следы употребления в пищу раковин, нуммулитов, морских ежей (стр. 11). Поселение принадлежало азиатскому народу—каспиям, с которыми родственны эламиты; на стр. 181—182 приведен сравнительный лингвистический анализ названия народа, прослеживаемого в топонимике и по источникам (Кашшу-аккадский яз.; Киссион у Гекатея; отсюда Киссия у Птолемея; Каш, множественное число Касип элам.; Касип, прилагательное имя каспия-древнеперсидский яз.).

Культура Персеполя сходна с северо-западной Индией: у населения не было боевого оружия, но примитивное земледелие существовало ранее, чем в низменностях: глиняные серпы могли применяться на плодородной равнине Персеполя (стр. 12—13). В холме не обнаружено погребений, но найдено множество глиняной посуды, особенно расписной, до-

машинного изготовления, без гончарного круга,¹ другие изделия из глины и камня (кремня, алебастра). Особый интерес представляют орнаментированные пуговиды, имевшие двойную функцию — для застежки и для запечатывания глиняных пробок (фиг. 4, табл. 1).

Анализ орнамента проведен очень широко; материал Персеполя остается в фокусе, с ним сопоставляются находки на территории Ирана и, по мере надобности, из Европы, Египта, Китая и Индии. Например тождество детали глиняной персепольской фигурки (стр. 16—17) и кносской времен неолита (фиг. 12а—б) объясняется импортом с Крита в Персеполь. Последовательный анализ классифицированных мотивов расписной посуды ведет Херцфельда к остроумным заключениям.

В орнаменте изобилуют геометрические абстрактные мотивы (крест, зигзаг, треугольник, свастика² с множеством вариантов и др.), часто в соединении с реалистическими деталями (пальцы, хвост, гребень, крыло). Крест — доминирующий мотив Персеполя (фиг. 21). Некоторым мотивам трудно подобрать наименование (стр. 24, сл.). Один из изумительнейших по силе рисунков — фигура демона (рис. 11). Мотивы изображены целиком или частично, т. е. сокращенно; это показывает, что рисунки имели магическое значение и что орнаментация родственна с письмом (стр. 22, 51). Повторение и комбинация частей образует другие символы (стр. 32—33), а варианты указывают на изменение значения.

Тесная связь изображенных символов с графическими знаками подчеркнута многократно. В росписях конца неолита в Иране устанавливается примитивное выражение мысли до-пиктографическим письмом, которое имеет связь с позднейшей письменностью (стр. 62, 65—66), а именно, символы трансформируются в графические знаки. Чрезвычайно интересны наблюдения над соотношением мотивов нормального геометрического типа и пиктографических знаков. Совпадение Z-образных рисунков в Персеполе и Китае (фиг. 44—47) дает вывод о сходности обеих культур, особо знаменательный потому, что те же символы встречаются позднее в прото-эламском письме (стр. 26).

Выясняется, что натуралистические элементы абстрактных рисунков (стр. 38) раскрывают что-то из первоначального значения отвлеченных форм. Особенно убедительна интерпретация персепольского узора „ландшафт“ (стр. 43, фиг. 70, сл.) и несколько аналогий, более или менее отвлеченных, посредством ранне-сумерийских пиктографических знаков. Волнообразная линия обозначает „А“ = „вода, река“; три сегмента круга или угла значат „Kur“ = „холм“. В керамике Суза I встречается тройная уступчатая линия, т. е. канал или река, с растительностью по берегам, заключенная в рамку (фиг. 75). Последняя композиция сопоставлена с одним из принципов прото-эламского и сумерийского письма (стр. 44—45), в которых очерченный прямоугольник значит „оградить, окружить стеной“ или „множество“; ромб означает „множество“, „все“, „толпа“. Далее мотив „ландшафт“ устанавливается на сумерийском фрагменте (стр. 90, фиг. 179), другие детали которого в свою очередь разъясняют „архитектурные“ мотивы банок из Тепе-Гиян и Суза I (стр. 83—84, фиг. 162—163). В протоэламских пиктограммах (фиг. 121—123) есть уже параллели к мотивам из Тепе-Гиян (Нихавенд) начального периода бронзы, а амулет с изображением козлов в загоне сопоставлен с аккадской идеограммой „rubsu“ (стр. 69,

¹ За три месяца собрано 1 500 000 черепков; каталог опубликован автором ранее (упомянут на стр. 20; ср. прим. 9).

² Распространение мотива еще не учтено: свастики нет в Сумере, Аккаде, Вавилоне и Ассирии (стр. 21, 13).

фиг. 130) = „загон“, „конюшня“ в виде двух схематизованных голов быков в прямоугольнике.

Итак, самую раннюю керамику Ирана Herzfeld относит к концу неолита, около 4000 лет до н. э.; он рассматривает ее как самое тонкое, декоративное, хотя и молодое искусство, с колеблющимся чувством отвлеченности (стр. 62). Действительно, форма, нежность тонов, изящество некоторых композиций поразительны — например конические кубки, чаши с коническим дном и др.

Для интерпретации символов он пользуется, между прочим, аналогиями у бразильских индейцев, которые живут в условиях неолитической стадии цивилизации.

Понимание абстрактных рисунков, объяснение Herzfeld'a натуралистических деталей, приданных геометрическим мотивам для раскрытия первоначального значения абстрактных форм, хочется сопоставить с представлением о языке первобытных обществ.

Леви-Брюль в книге „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures“ (1918) сообщает следующие наблюдения над языком племени Klamath (Сев. Америка): „Язык кламат... подчиняется тенденции, очень определенной, которую Gatschet называет „pictorial“ — „живописной“, т. е. он имеет потребность говорить глазам, обрисовать (dessiner) и описать (peindre) то, что он хочет выразить. „Движение по прямой линии упоминается иначе, чем движение в сторону или вкось, или на некоторое расстояние от того, кто говорит: обстоятельство, которые нам редко пришла бы идея выразить на европейских языках“ (стр. 161).

Далее: „Категории позы, положения в пространстве и расстояния в представлениях диких народов имеют такое же капитальное значение, как время и причинность для нас“ (по Gatschet). „Всякая фраза, где речь идет о существах или предметах конкретных (а в этих языках другие не произносятся совсем), должна, следовательно, выражать их отношение к пространству“ (стр. 165).

„В языке кламат существуют префиксы для обозначения, главным образом, формы, пространства, расстояния, среды и т. д.; есть и суффиксы, которыми обозначается тип движения, высота, состояние покоя“... (стр. 167, сл.)

„Слова имеют магическое значение. Всякое пластическое изображение, всякий рисунок имеет мистический характер. Словесное выражение, которое есть устный рисунок, обязательно имеет магический смысл“ (стр. 196, сл.).

Приведенная характеристика особенностей языка племен северной Америки, как мне кажется, может подкрепить интерпретацию орнамента первобытной керамики Ирана, данную Herzfeld. Орнамент ее „говорит“, говорит живописными средствами, отдельными изображениями и вариантами их. С этой точки зрения хочется рассматривать, например, „демона“ на Персепольском сосуде, с воздетыми руками и поворотом головы влево (фиг. II—V).

Не менее интересен по связи с письмом вопрос о печатях и цилиндрах, по поводу которых Herzfeld развивает следующее положение. Печатавание, т. е. нанесение оттиска изображения, предшествовало изобретению собственно печатей — штампов, печатей — цилиндров и письма (стр. 15). Печати и цилиндры различимы в начале халколита, т. е. периода меди; первые исходят от пуговицы, вторые — от цилиндрической бусины (стр. 72), или от амулетов, которые прежде всего служили

печатами. Печать, может быть, древнейшая из существующих, найдена в Персеполе, другие — в Тепе Гиян, Сузе.¹

Один из иранских мотивов совпадает с хеттским иероглифом „божество“ (стр. 73, фиг. 139). Родство мотивов на керамике и на цилиндрах постепенно усиливается. В следующие периоды ритмические и связанные мотивы орнамента разобщаются; по признакам распада определяется возраст керамики (стр. 77, 83); прослежено также изменение формы сосудов Тепе Гиян: от широкого зева к узкому.

Herzfeld уделяет особое внимание находкам с территории СССР, в первую очередь расписной керамике неолитического периода из Анау I² (стр. 95—96, фиг. 188), сопровождаемой грубой красной или черной; она определяется у Herzfeld как независимая, с тяготением более к северу, а в мотивах скорее к Европе, древнейшей Элладе. При этом автор констатирует, что на севере Ирана, в противоположность югу и центру, расписная керамика является исключением, а без росписи — правилом. Типичный профиль сосудов Анау I с вогнутой линией в нижней части прослеживается в северном Иране на переходе от III ко II тысячелетию до н. э. (ср. фиг. 188 и 203—204). Керамика Анау III, по Н. Schmidt — „блестящей эпохи меди“, отнесена Herzfeld к „раннему периоду бронзы“ и сопоставлена с находками в Сеистане, Самарре, Сузе I (стр. 86, фиг. 169—171), а по форме — с Хонаном (Китай). Он предполагает, что у Сыр-дарьи и Аму-дарьи обнаружится древнейшая цивилизация, конкурирующая с цивилизациями долины Инда и Двуречья. Последняя фаза расписной керамики Ирана конца X в. до н. э. наблюдается в Луристане и Нихавенде (фиг. 218, стр. 110).

Не менее интересны соображения о подражании керамическим формам в ранних сосудах из металла; для иллюстрации привлечены, между прочим, сосуды из Майкопа и Минусинска, датируемые им ранее, чем было принято (стр. 102—103, фиг. 202). В этой связи интересно сопоставление у Herzfeld плоского каменного блюда на ажурной конической ножке из Сумера с китайским сосудом из Jang Shao неолитической эпохи; любопытную параллель для них представляют бронзовые курительницы из Семиречья. Постепенно, с развитием металлургии, металлические формы превалируют, и керамика их воспроизводит. Население каменного века знало только булавы с каменными навершиями, и в Нихавенде найден единственный полированный топор (стр. 122, табл. XXVI, фиг. 242). С развитием металлургии изменяется характер жизни в Иране, появляется много оружия.

Просмотр металлических изделий начинается с бронзовых сосудов для возлияний (табл. XXV); приведены параллели иранским находкам в Месопотамии: Гильберан у Хуррабада и Лагаш, слой Ур-Нанше, относимые к концу периода Суза II.³ Некоторые луристанские и нихавендские сосуды имеют надписи с именами, которые облегчают датировку; последняя не установлена окончательно, о чем свидетельствуют недавние работы А. Ungnad и F. Wachsmuth.⁴ Для историка, этнографа и лингвиста особый интерес представит луристанский сосуд (фиг. 228 средний внизу) с текстом на сумерийском языке, коссейским именем

¹ Ср.: Mc Cown. The Material Culture of Early Iran, *Journal of Near Eastern Studies*. v. 1, October 1942, No 4, 442.

² Без металла, орудия из кремня грубой работы.

³ Стр. 114, прим. 49 о датировке Ур-Нанше.

⁴ A. Ungnad. Eine neue Grundlage für die altorientalische Chronologie. *Archiv für Orientforschung*, 1940, B. XIII, H. 3/4, стр. 145—147; F. Wachsmuth. Zur Altersbestimmung der vorgeschichtlichen Kulturen des Zweistromlandes. *Archiv für Orientforschung*, 1940, B. XIII, H. 4/5, стр. 194—203.

владельца и шумерийским или аккадским — его отца; время определяется XVII в. до н. э., до завоевания Вавилона коссейцами (стр. 116).

Классификация топоров прослежена на простейших типах (стр. 126). Признаком единого происхождения служат, между прочим, „зооморфные соединения“ (образец из Тепе Гиян, фиг. 224, стр. 127). Herzfeld впервые устанавливает родство в формах бронзовых топоров от Египта — Сирии и до Монголии (стр. 128). Надежной опорой для датировки служит известный экземпляр с надписью Аддапакат или Аддапахушу, правителя Элама времени Хаммураби в нач. XIX в. до н. э.,¹ форме которого находится отклик в Талыше, Ага Эвлер, но уже из железа, следовательно, около 1000 г. до н. э. Сопоставление с изображением топора у надвратного божества Богазкёй привело Herzfeld к пересмотру времени иероглифической письменности, датировки стен хеттской столицы и хронологического списка царей, для чего он использовал текст таблички Bo. 2788 по Forrer (стр. 130, прим. 71—72). В результате, памятники Ферехетин и Богазкёй отнесены к концу XV — нач. XIV в. (стр. 131).² Кинжалы датируются по луристанским образцам с именами царей IV династии Вавилона, после коссейской династии, XII—XI вв. до н. э. (ср. стр. 165).

Появление железного оружия связано с вопросами топонимики в Богазкёйских документах (стр. 135, сл.). Herzfeld идентифицирует Qizvatna, страну, производящую железо, с Qizvat, в древне-персидском языке Katrat-uka = Sarradocia у Полибия (стр. 137, прим. 87). Во втором тысячелетии Понт славился в Малой Азии железом и вином. Хеттский царь Хаттусил III послал железный кинжал фараону Рамзесу II. Именно из Самсуна был вывезен кинжал, однотипный с киевским в каталоге собрания Ханенко (стр. 135, 139); к этому центру автором отнесены железные кинжалы, найденные в Луристане.

Пересматривая прочие металлические изделия, Herzfeld опять привлекает находки в СССР. Украшения из агата, которых много в Тепе Гиян, напоминают ему слой Анау III (стр. 144); способ подвешивания серег в виде двойной спирали, найденных в Венгрии, Малой Азии и Тепе Гиян, определен посредством серьги с маленьким колечком из Ахалгорийского клада (стр. 149, фиг. 265).

Аналогии керамики первобытного общества от Европы до Китая объяснены „контактом культурных зон; так возникает единство форм, отделки, техники, хотя они глубже коренятся в местной традиции — идеи и символы могут странствовать“ (стр. 156, сл.) Однако родство металлических изделий в технике, форме нельзя объяснить контактом, подражанием, миграцией идей, еще менее народов (стр. 157). Здесь выдвигается противоположная „европейской“ теории Richardson гипотеза о центре кузнечества в восточной Анатолии и Армении, подкрепляемая этнологическими данными о „prospectors“, т. е. „разведчиках, изыскателях“ по берегам Европы и картиной положения кузнецов по Библии (история Каина, племя Тубал); отголоски последней отмечены у патриархального населения Аравии — племени Сулайб со знаком креста на лбу. Отсюда Herzfeld приходит к выводу, что сходство металлургических изделий не объяснимо через этническое родство, и предполагает, что странствующие „изыскатели“, кузнецы и торговцы рассеивали свою продукцию по Европе и вызывали местное производство (стр. 158—161).

¹ A. U. Pope. Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology, № 7 (December, 1934) датирует его, по Weil, около 2169—2156 г. до н. э.

² На стр. 131—132 глухо упомянут каталог луристанской бронзы A. Godard.

„Марка кузнеца“ = „Каинова печать“ служит поводом для перехода к анализу печатей как знака собственности, взамен еще отсутствующего письма. Печатей много в Луристане, в каждом слое Тепе Гиян, но они особенно интересны в слое II по сходству с „керкукскими печатями“ XV—XIV вв. из цветных камней, глазированной глины или фрита, которые найдены в столице царей Митании (стр. 161, сл., фиг. 277—283). Их своеобразный стиль зависит от формы инструмента — иглы с круглым кончиком; он отобразился на луристанской бронзе (фиг. 279, сл.), родиной которой была Армения. Подмечено также стилистическое сходство между бронзой Луристана и внутренней Монголии (Ордос, фиг. 284—288); здесь привлечены литые ажурные птички, найденные акад. И. И. Мещаниновым в Ходжалы (Карабаг, стр. 170, фиг. 287, прим. 163) и датируемые 1310—1281 г. по имени Адад Нирари на бусине. Herzfeld указывает, что в этом случае передача шла с запада на восток, и ордосская бронза датируется по луристанской, между 1400—1000 гг., около 1200 г., в начале династии Чу (стр. 174—175).

Глава II посвящена характеристике начального исторического периода. Взгляд Herzfeld на единство этнического состава плоскогорья, население которого поклонялось змеиным божествам, не изменился (стр. 177—180). Различие между северными и южно-иранскими находками указывает на соседство иной культуры в районе Окса и Яксарта; связь с Месопотамией стала сильнее и, после изобретения письма, культурное первенство получило население равнин. У эламитов, родственных каспиям, появилось прото-эламское письмо: таблетки найдены в Тепе Сиялк у Кашана. Отныне история страны опирается на письменные документы, первоначально шумерийские. Возникают известные уже скальные изображения с аккадским текстом у Сарпула времени Нарам Сина;¹ к ним в настоящем издании добавлен рельеф у Сулейманийи, открытый в 1928 г., анализируется рельеф и текст у Хорен (фиг. 300—302), пересматривается Курангунский рельеф, не-шумерийский по замыслу, со следами связей с Малой Азией и Индией (костюм, культ змей).

Надвигающаяся смена этнического состава замечена около 1500 г. у Митании, по богазкейским таблеткам, в заимствованных словах, именах царей и божеств (стр. 190, сл.). Продвижение иранцев — *Ἀριανή* (Арианэ) у Эратосфена — с прародины (из Туркестана) в I тысячелетии реконструируется по аналогии с саками. Дальнейший ход событий IX—VIII вв., известный по ассирийским анналам, образование Мидийской империи в 678 г., развитие городской и политической жизни — мало отличаются по изложению от предшествующих работ автора;² однако аргументация шире, к описанию памятников добавлены новые подробности, планы и снимки, уточнена датировка. Таков анализ двух мидийских гробниц в Шахрзуре, открытых майором Edmonds; гробница Кызкапан, где в портике имитировано бревенчатое покрытие (стр. 203, сл., фиг. 311—315), датируется по архитектурным деталям и рельефу серединой VI в.; „остотека“ Курх у Кич с рельефом — около 521 г. (фиг. 316).

В генезисе ахеменидского искусства особенное ударение сделано на преемственности от Анатолии через Урарту. Автору, следящему обычно за русской специальной литературой, к сожалению, неизвестны раскопки Кармир Блур Б. Пиотровского (ср. стр. 200). Глава III начинается краткой характеристикой древне-иранского искусства по археологическим данным, с выделением трех периодов: иммиграции (900—680 гг.),

¹ Ср.: E. Herzfeld. *Am Tor von Asien*, стр. 3—5, рис. 1—2, табл. II—IV. — N. C. Debevoise. *The Rock Reliefs of Ancient Iran*, *Journal of Near Eastern Studies*, v. I, Chicago, January 1942, стр. 80—83, фиг. 2.

² Особенно „*Am Tor von Asien*“ и „*Archaeological History of Iran*“.

мидийской империи с 678 г. и ахеменидской с 559 г. (стр. 221). В характеристике пасаргадской и персепольской фазы ахеменидского периода, как и следовало ожидать от автора, прошедшего столько часов среди прославленных руин, много свежих подробностей, которых нет в соответствующем разделе „A Survey of Persian Art“.

Персепольская терраса, сильно укрепленная мощными стенами, которые сохранились до 45 фут высоты у северного угла и на восточной стороне, представлена двумя общими планами (фиг. 327—328) и рядом частичных, подробно описанных и анализированных (северный бастион, ападана, стоколонный зал, трипилон, тачара Дария I, гарем Ксеркса). Показаны новые технические детали — укладка плит под осями вращения дверей (фиг. 334), марки каменотесов, железные крепления кладки (фиг. 340); последние точно нанесены на впервые публикуемый план большой лестницы, который выполнил Bergner в 1935 г. (табл. L). Большое внимание уделено скульптурным деталям, которые подчинены архитектурным задачам. Не забыты и архитектурные термины, извлеченные из древне-персидских текстов (стр. 232, 261). В заключении к гл. III ахеменидское искусство определено как простое продолжение искусства древнейших народов, при незначительном участии иноземных мастеров. Этот вывод автора, однако, расходится с древне-персидским текстом на закладной глиняной таблетке Дария I в Сузе.¹

В главе IV (стр. 275—340), отмечая стремительный упадок искусства в Иране, Herzfeld ставит вопрос, насколько глубоко было новое направление, появившееся после похода Александра. Анализ архитектурных памятников III—II вв. приводит к заключению, что иранцы чисто внешне подражали греческому искусству, не схватывая его сущности, не понимая пропорций. Получилось гибридное искусство, не иранское и не греческое, которое достойно изучения ради исторического и психологического интереса (стр. 286—305). С этим положением вряд ли можно согласиться безоговорочно. Искусство Ирана, не пройдя через эту стадию, лишилось бы базы в сасанидском периоде. Кроме того, даже масштаб памятников позволяет почувствовать, какие крупные следы оставил эллинизм на Востоке.

Для аргументации привлечены архитектурные памятники и скульптура. Описаны в Кенгавере руины предполагаемого храма Артемиды, упомянутого Исидором Харакским (*Mansiones Parthicae*, 1 г. до н. э.); кладка похожа на ахеменидскую, но уступает ей (стр. 281, сл., фиг. 380—381). В долине Хурха, где процветало виноделие, руины приписываются храму Диониса; здесь восстановлен грандиозный план (фиг. 382); высота колонн, соответствующая 11 диаметрам, указывает на влияние деревянных конструкций (стр. 285). В Истахре (др.-перс. *parsā-staxra*), столице правителей с титулом „фратадара“, обнаружен новый тип городских стен (стр. 276, табл. XCII—XCIII) из сырца, с круглыми бастионами и короткими куртинами; они пронизаны пятью ярусами бойниц, вроде ложных окон Ка'ба-и Зардушт и ниш в субструкции аршакидского храма огня Масджид-и Сулейман (табл. XCIII, фиг. 329). Капители построек Истахра модернизированы под греческий стиль; здесь ахеменидская капитель приближается к колоколообразной форме, типичной для позднейших периодов (стр. 276—281).

Эллинизм занес не только новые формы, но и свой язык: на памятниках появляются греческие надписи, часть которых не издана. В качестве примера назван текст парфянских стел у врат агоры Ашура; имена

¹ J. M. Unwala. Some Inscriptions, Survey of Persian Art, v. I, 1939. Achaem. Architecture. D., стр. 339, II.

иранских божеств заменяют представители греческого пантеона (стр. 275). На упадок скульптуры, по мнению Herzfeld, указывает переход от круглой пластики к двуплановому рельефу эскизного характера. В композиции, выборе места сохранены старые традиции: инвестирующая феодальная фигура изображена на скале Бистуна, а у подножия Персеполя помещены фигуры по сторонам дверного проема в храме фратадара, датируемые по монетам династии. Вопреки ахеменидской традиции, последние изображения непарные: против принца изваяна принцесса, между тем в ахеменидском искусстве женские изображения отсутствуют; обе фигуры даны одинаково в молитвенной позе, со священным пучком ветвей в левой руке (табл. XXXVI), причем Herzfeld отмечает появление термина „barsom“ в надписи Ксеркса (стр. 286—289).

Живописные принципы, примененные в скальных изображениях, приводят автора к предположению, что в эту эпоху преобладала живопись невысокого мастерства. Мысль эта подтвердилась при обследовании и раскопках руин города и укрепленного дворца Кух-и Хваджа в Сеистане, с храмом огня, которые открыл Aurel Stein в 1916 г. В настоящем издании описание значительно пополнено, сравнительно с его лекциями 1935 г. Кроме реконструкции фасада соответственно двум строительным периодам I и III вв., дан общий план дворца (табл. XCVII), в котором впервые наблюдается Т-образная группировка помещений, типичная впоследствии для аббасидского халифата (стр. 292).

Максимальную важность имеют воспроизведенные впервые по рисункам автора, частью в цветных таблицах (CI—CIV, стр. 294—299), росписи кассетного потолка и гладких стен галереи. В приемах росписи отмечена эскизность, иллюзия натурализма в растительных мотивах, а в фигурных сюжетах условность рисунка, происходящая от греческой манеры, которой соответствует полупрофиль („боги“, табл. CII и CIV); в других случаях сохранен чистый профиль, т. е. следы ахеменидской традиции, например в „шествии зрителей“ (табл. CII, лев., стр. 297).

Композиции того смешанного характера, который мог развиваться в греко-бактрийском искусстве, иллюстрированы одним из интереснейших сюжетов: „царь с царицей под балдахином“ (табл. CIV). В деталях автор не совсем уверен; однако здесь могли отчасти помочь изображения серебряных блюд,¹ которые Herzfeld не использовал: справа от бедра царицы изображен коричневый валик-подушка с широким позументом; предполагаемые „столбы“ балдахина похожи скорее на детали „трона“; женская рука с фиолетовым рукавом как будто охватывает бюст царя... По этому поводу резюмирована эволюция царских изображений в иранском искусстве: от ахеменидского торжественного шествия со свитой традиция перешла к аршакидским монетам с царем на троне вместе с символическим изображением победы, а впоследствии с царем на коне, причем идея воспроизведения момента инвестирующей воспринята и сасанидским искусством.

Цепь монументальных аршакидских памятников прерывается почти на половину тысячелетия и восполняется только восточно-иранскими монетами, трактованными в живописной манере (стр. 297—300, фиг. 389—395). Отсюда явился у Herzfeld вывод, что живопись, технически слабая, была господствующим искусством аршакидского периода. Вместе со стуквой отделкой стен она вела скульптуру к упадку и, следовательно, эллинизм оказал на Иран разрушительное влияние (стр. 305—306).

¹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, атлас, табл. CIV, № 286. Оренбургская ученая архивная комиссия (валик); F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, табл. III (царь с царицей на тахте).

Просмотр памятников аршакидского периода заканчивается характеристикой культовых сооружений (стр. 301—305).

Переходя к сасанидскому периоду, Херцфельд критикует неточное употребление термина „сасанидское искусство“ в смысле хронологических рамок, захватывающих нередко аршакидский и ранне-мусульманский период и не только иранские произведения (стр. 306). Для правильного представления он выделяет 400-летний период от 225 до 630 г. и строит аргументацию на наиболее показательных скальных рельефах, потому что выводы, по его мнению, приложимы ко всем прочим отраслям искусства. Из 25 скальных рельефов только три находятся не в Фарсе.¹ Все они изображают царей и датируются (кроме одного)² по методу Silvestre de Sacy 1758 г., если он применен точно; в результате они укладываются между 225—300 гг., кроме Так-и Бустана 380 г. и 610—628 г.

Отсылая читателя к воспроизведениям рельефов в крупном масштабе,³ автор оперирует неизданными деталями скульптур (стр. 307, сл.) и подчеркивает изменение своих взглядов на основании новых открытий. Три граффити Персеполя он определяет по монетам Истахра, как изображения отца и брата Ардашира I, причем живописность трактовки считает продолжением аршакидской традиции (стр. 309—310, 401, 402, 404). „Победа Ардашира над последним аршакидом“ у Фирузабада иллюстрирована двумя хорошими снимками (табл. СІХ) символического поединка, который трактуется как рисунок, выделенный из фона, по стилю и характеру продолжающий парфянские традиции. Традиционна также „инвеститура Ардашира“ у моста в Фирузабаде (табл. СVІІІ). В сцене инвеституры пешего Ардашира I (Накш-и Реджеб у Персеполя, стр. 311—312, табл. СVІІІ) определены фигуры царя, наследника, пажа, божества, справа — женщины под балдахином и между ног царя и Ахурамазды — детская пара: может быть внук, будущий Ормузд I, который „приветствует ребенка справа, совсем нагого — единственный случай в сасанидском искусстве — и который конечно греческая божественная фигура“ (см. деталь, табл. СХ).⁴

После опубликования К. В. Тревер в серии чердынских блюдов „Похищения Иштари“ с „близнецами“ внизу,⁵ случай был бы уже не единственным. Но последняя фигурка рельефа, довольно изуродованная, повидимому не точно описана, настолько, что можно усомниться в ее возрасте: она отнюдь не нагая, как будто имеет бороду, правая рука с мечом воздета, атрибут в левой неопределим.

В известной сцене конной инвеституры Ардашира I заново определен поверженный враг; по раздвоенному кончику бороды он сравнен с монетами Ардавазда последнего аршакидского чекана (табл. СХ и фиг. 404). Плоская обработка некоторых рельефов, орнаментальное повторение пассивных фигур, симметрия — выявляют живописный характер стилей и старый восточный дух (стр. 313). При анализе многоярусного рельефа в Бишапуре (табл. СХІХ справа) усматривается подтверждение главного тезиса, т. е. отмечен развитой в эллинистической и византийской живописи прием проекции сверху: точно люди

¹ Около Сальмаса, к западу от оз. Урмия; в Раге (не существует); Так-и Бустан (около Керманшаха).

² В Накш-и Рустем.

³ E. Herzfeld, F. Sarre. *Iranische Felsreliefs*. Berlin, 1910; E. Herzfeld. *Am Tor von Asien, Archäologische Mitteilungen aus Iran*, IX, 3, 1938; *Revue des Arts Asiatiques*, „La sculpture rupestre“, v. V, fasc. III, 129—142. В последнем издании имеются изображения малоизвестных сасанидских рельефов.

⁴ Цтата переведежа со стр. 311.

⁵ Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937, табл. II.

стоят на носках. Параллель из Турфанской росписи в Минг Ой очень интересна, но было бы полезно, кроме того, привлечь монеты Шапура I (241—272) и Ормузда I (272—273).¹

Переход от ахеменидского профиля к трехчетвертному повороту (в Сальмесе, вариант триумфа Шапура над Валерианом), и к изображениям в фас (Шапур I на троне в Бишапуре и Бахрам II в Накш-и Бахрам) автор связывает с восточно-эллинистическим течением и демонстрирует при этом греко-бактрийские монеты (стр. 319—320, фиг. 406), но обходит совершенно аршакидские изображения в фас.

Кульминационный период для сасанидской культуры в настоящей работе определен при Бахраме I (274—277), т. е. в этом отношении взгляд автора не изменился сравнительно с 1935 г. Что касается характеристики начального периода, разница есть, так как прежде на ранних этапах он не усматривал логического развития.² Рельефы рассмотрены довольно подробно до Бахрама I, после него — бегло. Интересна обнаруженная Herzfeld на тонком эстампаже подмена: по зачистке имени Бахрама I приписано имя Нарсе (стр. 322); это напоминает установленную Viollet le Duc замену имени строителя Купола Скалы в Иерусалиме Абд-ал-Малика именем халифа ал-Мамуна.

Хорошо известный по эрмитажному собранию сасанидского серебра сюжет охоты спешившегося царя³ развернут шире на скале Сар-Машхад (табл. СХІІІ, стр. 325): царя сопровождает наследник, царица и вазир; рельеф, рядом с которым аналогичные блюда воспринимаются как эпизоды, выхваченные из многофигурной сцены, как бы предваряет сложные картины Так-и Бустана.

Недолговременный период скальных рельефов в Фарсе показывает, по мнению автора, насколько несвойственна была скульптура сасанидскому искусству. После перерыва свыше 200 лет рельеф становится плоским, с округленными краями (стр. 328—329). Детали Так-и Бустана тракуются в живописной манере; следы греческой пластики окончательно исчезают. Последние скульптуры Так-и Бустана Herzfeld настойчиво датирует временем Хосроя Парвеза; при этом он ссылается на детали капителей колонн перед гротом и параллельные с ними пары, которые уже исследованы в работе „Am Tor von Asien“.⁴ Но здесь проведена новая параллель между изображением женского божества с головой в пламенном нимбе (фиг. 413) на одной исфаханской капители и монетами Хосроя Парвеза в память побед на востоке. Поэтому большой грот датируется 610—626 гг. (стр. 330—331). Для окончательного решения этого спорного вопроса, лишь глухо затронутого в примечании 3 к стр. 352, следовало бы еще выяснить, сделаны ли капители одновременно со скульптурой на задней стене большого грота или позже.

При обсуждении деталей охоты, контраст между реализмом в движениях животных и условной неподвижностью фигур царя, как и иные стилистические различия, объяснены участием разных мастеров; древневосточный сюжет охоты передан беспомощно приемами эллинистической живописи, что также говорит об упадке сасанидской культуры.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Изд. Academia, М.—Л., 1935, табл. I, 2-й ряд, оборотная сторона; Сасанидское серебро и бронза. Гос. Эрмитаж, серия I, Л., 1933, табл. 3.

² Ср. E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, 79.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. III; Сасанидское серебро и бронза, табл. 3; Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. СХХІІ и др. (особенно Шапур III, поражающий леопарда).

⁴ Цит. выше, стр. 184, прим. 1—2; ср.: K. Erdmann. Das Datum des Taq-i Bustan Ars Islamica, v. IV, 1937, 79—97.

В своем обзоре сасанидской скульптуры автор выделяет три периода, которые применимы и к прочим видам искусства. 1. Искусство III в., насыщенное элементами аршакидского эллинизма. 2. В среднем периоде IV—V вв. идет процесс освобождения от них. 3. Процесс заканчивается в VI—VII вв. Однако после столкновения с арабами сасанидское искусство стало более мощным. Периодизация Herzfeld отличается от намеченной у К. Эрдманн¹ только тем, что последний переломным моментом считает V в. Остроумна идея сопоставить эволюцию сасанидского искусства с ролью архаического греческого диалекта на Востоке, чуждые элементы которого постепенно исчезали из языка Ирана (стр. 339—340).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в новой работе Е. Herzfeld обосновывает, по возможности, историко-искусствоведческое направление на филологических изысканиях, о правильности которых будут судить филологи и лингвисты. Анализ названий народов, топонимики, исторических источников, до-пиктографических знаков, терминов в древнеперсидском языке автор связывает с эволюцией материальной культуры и искусства Ирана, не изолируя его, а, напротив, вводя его в широкий круг стран.

Наиболее интересна глава I, щедро иллюстрированная, причем большая часть рисунков исполнена автором и появилась впервые. Гл. III дает ценные дополнения к предшествующим трудам по искусству ахеменидского периода. В гл. IV красной нитью проведена мысль о доминирующей роли живописи в аршакидский и сасанидский периоды; для автора она не нова, и все изложение представляет развитие основного содержания соответствующей части „Археологической истории Ирана“. Имеющиеся указатели не полны; индекса цитированных авторов, к сожалению, нет.

Непропорциональность глав в книге Herzfeld зависит от характера в подходе к материалу: гл. I отличается широтой взгляда и привлекаемых материалов; в гл. II—III благодаря отбору материал сужен настолько, что для ахеменидской эпохи не привлечены ювелирные изделия, тем более бытовая керамика. То же можно сказать о гл. IV.

Между тем нельзя ставить знака равенства между аршакидским и сасанидским монументальным искусством и некоторыми разновидностями ремесел, как это делает Herzfeld.

Было бы, например, поучительно проследить всю эволюцию керамики Ирана — от первобытной эпохи вплоть до конца сасанидов. Нельзя останавливаться из-за того, что бытовая керамика аршакидов или сасанидов не имеет росписи, хотя известны поливные полихромные экземпляры. Аршакидская и сасанидская керамика имеет характер массовой продукции, также как и большинство древнейших образцов из Персеполя и других пунктов Ирана.

Что касается подробностей, определение первого сасанидского периода как простого продолжения того, что сохранилось из древних традиций на протяжении „особенно бедного аршакидского периода“, вряд ли справедливо по отношению к аршакидскому искусству. Herzfeld, так интересно связавший культурный прогресс Ирана периода неолита с другими странами, точно огораживается от судеб стран, входивших в сферу влияния аршакидской культуры.

Стоит упомянуть, что во всех главах им использована литература, опубликованная не позднее 1937 г., и это создает довольно странное впечатление. Для полной оценки аршакидской скульптуры нельзя,

¹ Ук. соч., 94 и 97.

например, обойтись без находок в Дуре Эуроπος, прекрасно анализированных М. И. Ростовцевым;¹ только раз в изложении упомянуты граффити Дуры, без указания источника. Такое игнорирование удивительно, потому что известный погребальный памятник Антиоха Коммагена в северной Сирии привлечен в изложении (стр. 275, 289, сл., 328). Нельзя обойтись и без скульптурных памятников Пальмиры.² Еще менее понятно умолчание о памятниках западного Ирана: о рельефах Танг-и Сарвак и скульптурной бронзе (круглой пластике), которые открыл около Шуштера Aurel Stein в 1935 г. и опубликовал три года спустя.³ Статуям в Шами посвящена прекрасная статья А. Godard⁴ и Н. Seyrig.

Точно также для сасанидского периода не привлечены материалы из раскопок в Шапуре и в первую очередь — коринфская капитель votивного памятника Апасай.⁵ Наиболее тщательно проработанная гл. I отличается такими же пробелами. Для Тепе Сиялк около Кашана совершенно не использованы материалы археологической кампании 1937 г.;⁶ для Тепе-Хисар автор ограничился статьей Е. F. Schmidt в *Museum Journal* (XXIII, 1933), оставляя в стороне работу того же археолога 1937 г.⁷ Молчаливо обойден изданный А. U. Pope „Survey of Persian Art“,⁸ хотя в нем есть упомянутая статья Herzfeld и Keith⁹ и ряд других исследований первобытной культуры Ирана.

По поводу раскопок холма с неолитическим поселением у Персеполя, Herzfeld назвал две кампании 1928 и 1931 г. (стр. 9). Получается впечатление, что изыскания у Персеполя на этом остановились. Однако дело обстоит иначе. Некоторый свет проливает статья Donald McCown „The material Culture of Early Iran“¹⁰ в новом органе Чикагского университета. В противоположность работе Herzfeld, Мак Коун сосредоточивается исключительно на иранской археологии периода неолита. Он не вдается детально в вопросы искусства, очень интересуется этнографией, описывает послойно инвентарь, характер погребений, тип жилищ, выясняет бытовые условия. При этом он часто ссылается на свою, нам пока недоступную работу о сравнительной стратиграфии раннего Ирана.¹¹

¹ M. I. Rostovtzeff. *Dura and the Problem of Parthian Art*. *Jale Classical Studies*, V, 1935; Л. Ельницкий. Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы. *Вестн. др. ист.*, т. 2 (3), 1938, 215—217, рис. 10.

² H. Seyrig. *Antiquités syriennes* 20: *Armes et costumes iraniens de Palmyre*, Syria, v. XVIII, 1937.

³ Aurel Stein. *An Archaeological Journey in western Iran*. *Geographical Journ.*, v. XCII, № 4, October 1938, 322, сл., фиг. 7—11; так же A. Stein. *Old Routes of Western Iran*. 1940, фиг. 35. Главной группе рельефов Танг-и Сарвак уделено внимание в упомянутой статье N. C. Debevoise. *The Rock reliefs of Ancient Iran*, стр. 90, сл.; схема расположения и датировки — фиг. 6, деталь — табл. 11b.

⁴ *Les Statues parthes de Shami*. *Athar-è Iran*, v. II, 285—305, фиг. 115—131.

⁵ G. Salles et R. Ghirshman. *Châpour. Rapport préliminaire de la première campagne de fouilles (Automne 1935 — Printemps 1936)*. *Revue des Arts Asiatiques*. T. X, № 3, 117. R. Ghirshman. *Les fouilles de Châpour (Iran)*. *Deuxième campagne 1936/37*, *Revue des Arts Asiatiques*, T. XII, № 1, 12—19.

⁶ R. Ghirshman, R. Sialk I and II, *Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937*, *Musée du Louvre, Département des antiquités orientales, Série archéologique*. v. IV—V. Paris, 1938—1939; ср.: E. Herzfeld, *дт. соч.*, стр. 9, прим. 7 на стр. 342.

⁷ *Excavations at Tepe Hissar Damgan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937. Краткая характеристика археологических открытий в Иране, без изданий 1937 г., дана Л. Ельницким в указанной выше работе 1938 г.; следует отметить искаженную передачу географических имен.

⁸ См. выше, стр. 178.

⁹ См. выше, стр. 178.

¹⁰ *Journal of Near Eastern Studies*, The University of Chicago Press, Chicago, v. I, October 1942, № 4, 424—449, с 2 табл.

¹¹ *The Comparative Stratigraphy of Early Iran*, *Studies in Ancient Iran Civilization*, № 23, Chicago, 1942.

Сопоставляя данные по всем последним археологическим изысканиям, McCown намечает параллели, ареал распространения самостоятельных культур, их последовательность и возникновение смешанных культур, взаимоотношение цивилизаций Ирана, Месопотамии, Белуджистана и долины Инда. Самыми характерными показателями служат, прежде всего, типы керамики, далее металлические изделия и др.

В начале статьи McCown названы два пункта Ирана, где, по словам автора, обнаружен древнейший слой, определяемый периодом халколита: Сияк I у Кашана и Чашма Али около Рейя; в первом культура смешанная, судя по типам красной и светлой керамики и по форме черепов; вторая культура распространялась от Анау до Кашана.

Приходится задуматься, почему Herzfeld оставил эти данные без внимания, не использовав хотя бы публикацию Ghirshman. Обнаруживается противоречие в определении древнейшего периода культуры Ирана и его центра, потому что Herzfeld ведь считает поселение у Персеполя неолитическим. Далее недоумение растет, потому что ни в статье McCown, ни на его таблицах Персепольское поселение не упомянуто; работой Herzfeld 1941 г. McCown не пользуется, но он (стр. 435, сл.) описывает два слоя, обнаруженных в двух холмах Телль-и Бакун А—В в Фарсе, а о них ничего нет у Herzfeld.

Краткое замечание, без ссылок на литературу, позволяет установить, что Herzfeld все же знал о дальнейшей археологической работе около Персеполя. В прим. 8 к стр. 10, гл. I он пишет: „При законном споре относительно права собственности было установлено, что холм не имеет названия. Телль-и Бакун (Tol e Bakun) — имя, данное ему недавно Персепольской экспедицией, должно быть создано вновь“. Второй отголосок касательно определения культурного периода Персепольского холма имеется в прим. 10 к стр. 11. Здесь Herzfeld говорит, что первоначально им были установлены следы меди, но А. Лангсдорф показал ее принадлежность к скудным остаткам верхнего слоя; поэтому в недавних отчетах неправильно говорится о „медных предметах во всех трех слоях холма“. Эти замечания показывают, что Herzfeld знает о последующих открытиях у Персеполя и отвергает определение культуры временем халколита.

Для характеристики слоя Телль-и Бакун В, более древнего, McCown почти ничего не дает; но в перечислении стадий и географических вариантов buff-ware, т. е. культуры „керамики цвета буйволовой кожи“, указано, что она сформировалась на гористой территории и один аспект ее различим от Фарса до Персидского залива. Несомненно, здесь имеется в виду персепольская культура.

Статья McCown нуждается в некоторых оговорках. Назовем, для примера, вопрос о фигурных изображениях. Он упоминает в Сузе и Бакун А человеческие фигурки, не олицетворяющие, по его мнению, божества, но связанные с представлениями о естественных силах плодородия (стр. 437); о фигурках в слое Бакун В он умалчивает. Между тем, в книге Herzfeld на табл. II изображены персепольские „идолы“ из обожженной и раскрашенной глины, описанию которых посвящены стр. 15—17 и рис. 8 и 12. Herzfeld установил, что у всех „идолов“ головки отбиты; поэтому он пришел к заключению, что это сделано намеренно. Невольно приходит на память обычай иранцев времени арабских завоеваний и позже возобновлять „идолов“ в день Нооруза. Затем Herzfeld говорит о фигурках одомашненных животных (стр. 17—18, рис. 13, табл. III); следовательно, наличие тех и других в первом вскрытом холме Персеполя, т. е. Телль-и Бакун В им установлено.

Для McCown, напротив, неясен вопрос, были ли в Телль-и Бакун А домашние животные.

Расходятся взгляды обоих также относительно культуры Самарры. По Herzfeld (стр. 112) — это неолитическая культура, сходная с персепольской. По McCown (стр. 437) — она ближайшая к культуре Фарса Бакун В II, современна с Гиян V А и с нижним слоем Чашма Али I А; однако в последней представлены предметы из меди, каменные полированные топоры и мотыги, т. е. как будто фаза позднее первой персепольской.

Отношение McCown к открытию и труду Herzfeld иллюстрирует еще аннотация к недавно опубликованной им (вероятно, в 1942 г.) совместно с Langsdorff работе, которая посвящена Телль-и Бакун А¹ и по плану напоминает монографию Herzfeld.

Вскрывающиеся довольно неожиданно следы личных или ведомственных трений наложили неблагоприятный отпечаток на обе сравниваемые работы — труд Herzfeld и статью McCown. Обнародовав свой богатейший материал и приложив к нему широкую эрудицию, Herzfeld оказал значительную услугу науке. Но ему придется вернуться к исследованию и привлечь к будущему труду тот накопленный материал, который остался за пределами его книги.

---

¹ Alexander Langsdorff and E. Donald McCown. Tall-i Bakun A. Season of 1932. Oriental Institute Publications (= OIP). Chicago. University of Chicago Press, v. LIX. XI+81 стр., 85 plates, 19 textfigures, 1 table, 4°. Аннотация напечатана на обложке того номера журнала, где помещена цитируемая выше статья.